

Глава 1. Пояс лопнул!

Ночная Имперская столица утопала в огнях — жизнь в ней только начиналась.

В ночном клубе «Остров Золота» на первом этаже оглушительно ревела музыка, заставляя сердца биться в такт басам. На огромных светодиодных экранах сменяли друг друга безумные электронные узоры, а разноцветные лазерные лучи прошивали зал насквозь. Вспышки света, мгновенно разрывающие полумрак, возвещали о начале ночного безумия.

Танцпол заполнила толпа: люди двигались в экстазе, выплескивая накопившуюся страсть и давая волю тайным желаниям.

Но стоило часам пробить девять, как музыка оборвалась. В зале мгновенно воцарилась тишина.

Обольстительные танцовщицы на сцене замерли и тут же скрылись за кулисами. Люди с танцпола, словно по команде, с невозмутимым видом разошлись по своим местам. Официанты прекратили обслуживание и выстроились вдоль стен.

Новички недоуменно переглядывались, но, подчиняясь знакам завсегдатаев, поспешили присесть. Всё внимание публики теперь было приковано к подмосткам перед огромным экраном.

Сотрудники клуба вынесли на сцену специальный стол, накрытый красным шелком. Сквозь ткань угадывались очертания двух белых платков, веера и прокурорской колотушки, неизменного атрибута рассказчиков.

Как только стол установили, рабочие удалились, а на сцену вышли двое молодых людей в темно-синих традиционных халатах-дагуанях.

Оба были высокими, статными, и двигались уверенно, по-хозяйски. Тот, что был чуть выше, обладал бледной кожей и мягким взглядом; он едва заметно улыбался, а в ушах поблескивали серьги-гвоздики, отражая свет софитов. От него веяло весенней нежностью. Второй же широко улыбался, демонстрируя ряд белых зубов. Выглядел он немного простовато, но за этим фасадом скрывался живой, проницательный ум. В уголке его глаза белел старый шрам.

Их появление вызвало бурю восторга. Зал взорвался приветственными криками и залихватским улюлюканьем: «У-у-у!»

Белокожий юноша встал за стол, его напарник — рядом. Поправив беспроводные микрофоны, они не спешили начинать программу. Вместо этого он извлек из-за пазухи кусок ткани и, развернув его, положил на стол.

Приглядевшись, зрители поняли, что это QR-код для перевода денег.

Новички только хлопали глазами, не понимая, что происходит, а постоянные гости, привыкшие к выходкам этого дуэта, уже всю сканировали код телефонами. Дождавшись, когда поток пожертвований иссякнет, он ловко спрятал «кассу».

После этого оба артиста торжественно сложили руки в приветственном жесте. Молодой человек со шрамом первым нарушил тишину:

— Спасибо всем большое! Спасибо, что раскошелились, — его слова вызвали в зале волну смешков.

Шоу началось. Парень со шрамом, которого по паспорту звали Цинь Фань, но на сцене он был Цинь Юэцзином, обратился к публике:

— Ну что, снова здравствуйте! Вижу сегодня много старых друзей, но и новые лица тоже мелькают. Старички-то нас знают, а вот новеньким мы в диковинку.

— Это точно, — отозвался его напарник, Цзян Хэн, выступавший под именем Цзян Чэньян.

— Позвольте представиться. Я — Цинь Юэцзин, а рядом со мной — Цзян Чэньян. Мы — желторотые юнцы в мире сяньшэна, — Цинь Юэцзин с гордостью ударил себя в грудь. — Но сначала я расскажу о себе любимом!

...

— Я — человек утонченный, благородный и прекрасный лицом. Настоящий аристократ, свободный духом и дикий сердцем. Да, это всё про меня!

Цинь Юэцзин картинно раскрыл веер и начал обмахиваться, закинув вторую руку за спину и высоко задрал подбородок.

— Я не обуздан! Понимаете? Не обуздан!

— Да что ты заладил про это «не обуздан»? — с любопытством поинтересовался Цзян Чэньян, тронув друга за плечо.

— Я имею в виду, что я — настоящий мужик! Железобетонно гетеросексуальный! — Цинь Юэцзин лучезарно улыбнулся.

Цзян Чэньян дернул его за рукав:

— погоди ты со своим «мужиком». Слово «необузданный» означает отсутствие преград, а не

то, о чем ты подумал. Ты вообще не в ту степь забрел!

— Ничего не путаю! Я хочу сказать... — Цинь Юэцзин захлопнул веер и возвысил голос: — Я — стальной натурал! Прямой, как стрела! На ощупь — твердый, как кремь!

— Что значит «твердый»? — Цзян Чэньян едва сдерживал смех. — А ну-ка, объясни почтеннейшей публике!

— А? Ну, я имел в виду... Я как этот веер! — Цинь Юэцзин постучал по костяку веера. — Стучишь — и звук звонкий. Это метафора моей непоколебимой чести!

— А-а, вон оно что! — Цзян Чэньян сделал вид, что всё понял. — А я-то подумал...

— Что ты подумал?

— Да так, ничего, — Цзян Чэньян махнул рукой, обрывая фразу.

— Ты небось решил, что... — Цинь Юэцзин хитро прищурился и ткнул напарника веером в бок.

— И не думал!

— Ага, оправдывайся теперь! — Цинь Юэцзин демонстративно закатил глаза и убрал веер.

— Ха-ха-ха! У-у-у! — зал взорвался хохотом. После первой же удачной шутки посыпались аплодисменты и одобрительные выкрики.

Новички, глядя на реакцию соседей, быстро вошли во вкус и тоже начали вопить «У-у-у!», быстро сообразив, что это не просто звук, а намек на «пикантный» подтекст их шуток. Только это слово могло описать всю глубину юмора дуэта.

Цинь Юэцзин указал веером на напарника:

— Теперь о моем коллеге. Цзян Чэньян. Мой старший брат по школе. Настоящий... солнечный человек!

— Погоди, какой еще «солнечный»? Ты меня в иностранцы записал? — перебил его Цзян Чэньян, указывая на себя с недоумением.

— Я имею в виду, что в тебе избыток мужской энергии Ян! Поэтому ты — «Ян-человек»! — Цинь Юэцзин сокрушенно покачал головой, мол, как можно не понимать таких очевидных вещей.

Затем он завел хвалебную оду:

— Человек-Ян! Вместилище всей солнечной энергии мира! Маленький Янчик, свирепый Янчик, сын Солнца! От него так и прет мужественностью, температура тела — градусов шестьдесят, не меньше!

Цзян Чэньян слушал это с выражением глубокого шока.

— Ого, — протянул он наконец. — Ты свой термометр небось в мою грелку засунул?

Зал снова покотился со смеху. Даже такая простая перепалка в начале выступления заставляла зрителей предвкушать блестящее шоу.

Но разогрев продолжался. Сегодня они давали номер своего наставника, Чжан Лицзи, которого в народе звали Хромым Чжаном. Сценка называлась «Похождения Хромого Чжана: Благородство и мужество» — история о том, как их учитель в юности восстанавливал справедливость.

— Вы же знаете, наш учитель в молодости был фигурой легендарной! Называли его «Чжан — Гроза Подлецов». Не терпел он всяких негодяев и самодуров, что честных людей тиранили. И вот как-то раз, выбрав безлунную, глухую ночь, он отправился вершить правосудие!

— Красавец! — Цзян Чэньян поднял большой палец вверх.

...

— И вот, в решающий миг, учитель выхватывает клинок и бросается на врага! Раздается громогласное «Тр-рах»!

Цинь Юэцзин сжал веер, словно рукоять кинжала, и сделал резкий выпад вперед.

— Зарезал?! — выдохнул Цзян Чэньян с притворным ужасом.

— Нет. Пояс лопнул!

— Господи... Пошел на подвиг, так хоть штаны бы застегнул покрепче! — Цзян Чэньян развел руками, безнадежно улыбаясь.

— Ха-ха-ха!

В этот миг в клубе не осталось и следа от привычного ночного безумия. Все — от подвыпивших

гостей до официантов — не отрываясь смотрели на сцену, ловя каждое слово и жест, наслаждаясь самым чистым и искренним весельем.

<http://bllate.org/book/17504/1647286>